

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОГОЭПИСТЕМЫ: АРХЕТИПЫ И СИМВОЛЫ¹

Н. Ф. Алефиренко*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko @bsu.edu.ru*

Обосновывается мысль о том, что в основании когнитивной фразеологии лежит лингвофилософский постулат: любые объекты предметы и явления подвергаются косвенно-производной вербализации только через наделение их особым смыслом, что любые реалии, входящие в состав вербализуемой денотативной ситуации, становятся единым обобщенно-образным фреймом благодаря объединению в логоэпистеме дискурсивно актуализируемых смыслов архетипного и символического происхождения.

Ключевые слова: логоэпистема, архетип, стереотипы, концепт, символ, фразама.

Введение

Логоэпистема — основная ментальная единица, служащая в когнитивной фразеологии стимулом лингвокреативного порождения имплицитных процессов косвенно-производного лингвосемиозиса [1, с. 57]. С одной стороны, логоэпистема — это знание, хранимое в слове (*логос* греч. — слово; *эпистема* греч. — знание), а с другой — важный элемент ассоциативно-образного бинама, с и г н а л, благодаря которому в этнокультурной памяти человека активизируются и всплывают на поверхность сознания связанные с ним имплицитные фоновые знания. В этом плане логоэпистема — носитель смысла, репрезентант знания, средство афористического выражения информации, оформленной как свернутый текст типа «*Все смешалось в доме Облонских*», «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*», «*Куликовская битва*», «*Илья Муромец*», «*И ты, Брут!*».

Когнитивно-культурологическая сущность логоэпистемы состоит в вербализации закрепленного в этнокультурной памяти следа отраженной действительности в языковом сознании этноса, причём не любого следа, а такого, который представляет собой результат коллективного постижения значимых для данного сообщества духовных ценностей. Можно сказать, что логоэпистема обладает билатеральной структурой: экспонентной её стороной является идиоматизированное сочетание слов, а содержательной — ценностно-смысловая семантика. И в этом смысле логоэпистему следует считать единицей семиотической системы, з н а к о м, который служит для описания и усвоения информации, хранимой в языке. Как и любой знак, она требует осмысления на уровне своего означающего (языковая ипостась логоэпистемы) и на уровне означаемого (культурообразуемая сторона логоэпистемы).

В сравнении с концептом или лингвокультуремой, логоэпистема — это *языковое отражение* закрепленного общественной *культурной памятью* следа отраженной действительности в общественном *сознании* людей в результате постижения ими духовных ценностей (Костомаров, Бурвикова 1990, 256).

Под логоэпистемой понимаются разноуровневые лингвострановедчески ценные *единицы*, знание (смысл) которых может выражаться разными номинативными и коммуникативными единицами: словом (*Москва!*, *обломовщина*); словосочетанием

¹ Работа выполнена в рамках госзадания НИУ БелГУ на 2014 г. (проект № 241).

(Герой нашего времени. Человек в футляре); паремиологическими и крылатыми выражениями (Москва не сразу строилась. Язык до Киева доведет). Разноуровневость логоэпистем относится к языковой форме как способу представления аккумулированного логоэпистемами знания. Своей идиоматизированной структурой фразеологического, паремического, эптологического и прецедентно-текстового характера логоэпистемы выражают знания, мысли, традиции, обычаи, приметы, представления этноса, особенности его менталитета. Логоэпистема богаче и шире по объему этнокультурной информации, глубже и богаче по степени насыщенности культурно-исторической коннотацией, чем общеупотребительные слова.

Логоэпистемные стимулы фразеомообразования

Логоэпистемы — своего рода сокровищница когнитивно-дискурсивных первосмыслов, порождающих образные устойчивые выражения — фраземы и паремии. Одни первосмыслы проецируют инвариантный остов логоэпистемы — интенционал, из которого формируется фразеологическое значение, а другие — импликационал, состоящий, как правило, из широкого спектра периферийных этнокультурных смыслов. Так, фразема *ахинея* (дичь, вздор, ерунду, галиматью, чушь) нести/понести (пороть) (разг.) употребляется в значении 'говорить вздор, бессмыслицу, непонятно и высокопарно'. Однако, кроме кодифицированного значения, это выражение является носителем и хранителем того знания, которое, собственно, и было сфокусировано в интенционале фразеологической семантике. Сигнальным элементом для его экспликации служит в данной идиоме лексический компонент *ахинея*, хранящий мифологический смысл, связанный с событиями, происходившими в Древней Греции у храма богини Афины (*Athenaeum* — Атеней). Здесь обычно собирались ученые и поэты, чтобы прочесть свои новые произведения. Поскольку их речи были слишком мудры, заумны и не всем понятны, их называли «афинейскими мудростями». Позднее слово *Athenaeum* стало произноситься как *ахинея* и употребляться в просторечии в разговорно-обыденном значении — 'чепуха, вздор, бессмыслица'. Со временем народная герменевтика внесла в лексический состав фраземы новые компоненты, с помощью которых истолковывалось¹ значение изрядно изменившегося и поэтому забытого слова *ахинея*. В современном русском языке такого рода герменевтическую функцию выполняют синонимы *дичь, вздор, ерунда, галиматья, чушь*, в семантической структуре которых доминирует изначальный смысловой элемент лексемы *Athenaeum* — сема 'бессмыслица'.

С этой же смысловой доминантой данная логоэпистема хранит двойственную связь с другой интерпретантой слова-сигнала *ахинея*. Согласно второму интерпретирующему вектору, его, во-первых, соотносят по внешнему звуковому облику со словом *China* (названием Китая) и, во-вторых, — благодаря ассоциативно-смысловым связям между словами *ахинея* и *Китай* — с выражением *китайская грамота*, означающим также нечто непонятное, трудно постижимое. Как известно, некоторые люди с узко ограниченным интеллектом обычно считают ерундой и чепухой всё, что оказывается вне их понимания. Ассоциативно-смысловую память о данной эпистеме поддерживает также просторечный глагол *нести*, который обычно сочетается со словами *черт, дьявол, нелегкая (принёс, принёсла)* — 'нежелательное появление кого-чего-н.'. Более отдалённые негативано-смысловые коннотации поддерживаются сочетанием глагола *нести* со словами *перегар, лук* — (*несёт* от ког-л. *перегаром, луком* — сильно и неприятно пахнет).

Двойственность интерпретации фразеоморождающих логоэпистем зиждется на онтологическом взаимодействии языкового сознания и бытия человека. «Сознание (переживание) и реальное бытие, — в концепции Гуссерля, — это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы один подле другого, порой «сопрягаясь», порой «сплетаясь» друг с другом. ...Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» [3, с. 11]. Более того, в основании когнитивной фразеологии лежит аксиома о том, что любая реальность, подвергается косвенно-производной вербализации только через «наделение смыслом», а любые реалии, входящие в состав вербализуемой денотативной ситуации, становятся обобщенно-образным единством благодаря «единству смысла», что предполагает антропоцентрическую составляющую в семантике

¹ Истолкование (объяснение, дающее понимание чего-н. с какой-н. точки зрения) есть основная форма познания [см.: 2, с. 148].

знаков косвенной номинации. Это означает, что алгоритм когнитивно-фразеологического анализа должен содержать культурно-прагматическую интерпретацию логоэпистемы как продукта деятельности сознания, наделяющего культурно-когнитивным смыслом познаваемого объекта.

Уже в первом приближении можно выделить две модели эпистем: а) обобщенная модель когнитивно-философского характера и б) частная модель, структурирующая информацию об отдельных элементах картины мира. В нашем примере первая модель представлена мифологической логоэпистемой, а вторая – дискурсивной ситуацией, связанной с трудно постижимыми объектами. Характер мифологической эпистемы характеризуется тождеством языка и внеязыковой действительности (слов и вещей). Их тождество обуславливает возможность взаимозамены, в результате которого возникают коннотации вербальных символов в форме слов и идиоматических выражений (фразем или паремий).

Природа и сущность культурной коннотации с позиций лингвокогнитивистики тесно связана с проблемой архетипического и символического в знаках косвенно-производной номинации. Это объясняется культурно-антропологической двойственностью мировосприятия, на которое обратили внимание в европейской культурологии Р. Барт, а в отечественной — Г. И. Берестнев. Человек живет в двух содержательных мирах: а) мире языковой и культурной реальности, принадлежащем сфере осознаваемого, и б) мире бессознательных знаний, «глобальных смыслов высокого содержательного напряжения» [4, с. 104]. Для человека конкретны лишь отдельные фрагменты первого мира. Этот «мир относителен: любые конкретные культуры и языки представляют собой формы закрепления вполне определенного человеческого опыта, вследствие чего оказываются ограниченными с точки зрения других культур и языков» [4, с. 58]. Идея трансцендентности содержания, находящихся за пределами языкового выражения, выдвинутая Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате», близкая теориям бессознательного (З. Фрейд и К. Г. Юнг). В теории когнитивной фразеологии базовым положением является принятие положения о том, что границы между областью языкового мышления и трансцендентной сферой речемышления в процессе фразеомообразования стираются или перемещаются на периферию этноязыкового сознания. В этой связи стоит прислушаться к мнению О.И. Быковой, согласно которой изучение имплицитных эпистем становится возможным главным образом благодаря языковым данным. Более того, первоочередной задачей лингвокогнитивистики и лингвокультурологии является (а) раскрытие трансцендентного содержания, находящегося вне языка и вне языкового мышления и (б) реконструкция глубинных коннотативных смыслов по косвенным данным языка и культуры.

Один и тот же концепт способен заряжать фразеомообразующую логоэпистему разной коннотацией. Так, по данным Л.Р. Сакаевой [5, с. 43], английская фразема *fight like cats and dogs* (рус. *жить как кошка с собакой*) опирается на представление о неуживчивости собаки, её нетерпимости. А в мифах тюркских народов (якутов, тувинцев, шорцев, атайцев, телеутов), а также в проживающих в соседстве с ними манси, хантов, эвенков, нивхов, чукчей и других, содержится представление о небесном происхождении собаки, о ее связи с верховным божеством — демиургом. Существовал, однако, и диаметрально противоположный взгляд на это животное, как на вредоносное, опасное существо. Наиболее яркие формы почитания собаки существовали у народов, нередко объединяемых общим названием палеоазиатских нивхов, ительменов, приморских коряков и чукчей, а в северо-западной Сибири — у обских угров. Обнаруживается противоречивое отношение к собаке даже у одного и того же народа.

Видный польский специалист в области культурно-когнитивной коннотации Е. Бартминьский приходит к однозначному выводу: «Единицей, подлежащей толкованию, является «ментальный предмет» во всем богатстве его характеристик, закрепленных в языковой картине мира. Этот «ментальный предмет» есть проекция, а не отражение, независимо от того, что обычно существует возможность его сравнения (и нахождения свойств) с реально доступным эмпирическому опыту предметом. Чьим отражением, однако, были бы такие «предметы», как Пегас, стригонь или гном?» [6, с. 56]. Когнитивный подход к изучению глубинных смыслов познавательной деятельности человека требует учета интерпретационной перспективы адекватной компетенции пользователя языка. Лишь тогда можно понять глубокую внутреннюю (через коннотацию слова) связь языка с культурой

общества, говорящего на этом языке [6, с. 58]. Коннотация как культурно обусловленное явление когнитивной сферы существует благодаря познавательной активности языка. Этноязыковые механизмы речемыслительной деятельности человека обеспечивают возникновение таких косвенно-производных логоэпистем, которые порождают ассоциативно-смысловые поля и связанные с ними семантические сети, сплетаемые культурно-когнитивными коннотациями метафорических слов и идиоматических выражений. При этом следует помнить, что образная составляющая косвенно-производных логоэпистем существует на уровне коллективного бессознательного и, как правило, не осознаётся носителями соответствующей лингвокультуры, теряется в стереотипных и символических сплетениях интерпретирующего подсознания.

Как показывает анализ фразеологического и паремиологического материала, в народных способах косвенно-номинативной интерпретации действительности, основанной на стереотипах и символах, соединяются онтологические реалии и мифологические модели миропонимания. При этом стереотипизация и символизация служат друг другу и с точки зрения познания, и с точки зрения косвенно-производного лингвогенеза. Стереотипы связывают ассоциативно-смысловыми нитями лексические компоненты фраземы со сферой внеязыкового опыта, выступая формой существования эпистем в этноязыковом сознании. Тем самым обеспечивается возможность воплощения бессознательных форм познания действительности в знаках косвенно-производной номинации. Символическая составляющая логоэпистемы представляет фиксируемые сознанием результаты культурно-коннотативной интерпретации вербализуемой фраземами денотативной ситуации, которые служат репрезентантами другого представления в рамках более широкого ценностно-смыслового поля.

Из представленных выше размышлений вытекает важнейшее для когнитивной фразеологии положение: в косвенно-производного лингвосомиозиса лежит механизм культурно-когнитивной эпидигматики, основанной на ассоциативно-образном речемышлении. Разумеется, в процессе косвенно-производного лингвосомиозиса, опирающегося через вторичное осмысление действительности на ценностно-смысловую интерпретацию знаний, не затрагивая онтологические основы картины мира, происходит субъективное переосмысление знаний сквозь призму этнокультурных стереотипов, сформированных путём обобщения ранее полученного опыта.

Причем при вторичном восприятии человек не столько осмысливает мир, основные свойства и признаки воспринимаемых реалий, сколько подводит вновь познаваемое под уже имеющиеся у него стереотипы (Н. Н. Болдырев). Последние служат формой существования тех логоэпистем, которые, порождая значимые для коммуникативной прагматики коннотации, нуждаются в косвенно-языковой репрезентации.

Ещё более скрытыми для современного языкового сознания оказываются кодируемые в семантике знаков косвенно-производной номинации архетипы как формы репрезентации коллективного бессознательного (К.-Г. Юнг), как врожденные отпечатки духовной жизни сложившейся веками некой усреднённой языковой личности. Но и в этом случае разгадка диффузных по своей природе архетипов, лежащих в основе формирования фразеомобразующих логоэпистем, опирается на анализ символических образов [7, с. 104]. Архетип можно определить как *метаконцепт*, т.е. как инвариантное ядро ментальности народа, видоизменяющееся в соответствии с конкретной исторической ситуацией. Архетипы — это базовые концепты, задающие координаты, в которых человек воспринимает и осмысливает мир. В процессе своей реализации в условиях той или иной культуры архетипы вербализуются. Поэтому в процессе речемыслительной деятельности архетип выступает именованной сущностью. Именование включает в себя формирование мировоззренческой компоненты логоэпистемы в процессе языковой интерпретации именуемого объекта, выделения в нём наиболее важных для человека свойств и признаков, составляющих своеобразие его ментальности. Сам механизм косвенно-производного именованья фразеомобразующей логоэпистемы коррелятивен базовому принципу архетипа, определяющему диалектику единичности и множественности, индивидуального и коллективного. С точки зрения базового принципа фразеоморождающего архетипа (именования эпистемы), в именуемых первообразах (архетипах) коллективного бессознательного содержится (в свернутом виде) то важнейшее смысловое содержание, которым один архетип отличается от другого и, соответственно, близкие по смысловому содержанию фраземы.

Архетип, миф, символ в логоэпистемной структуре фразем

Косвенно-производная интерпретация действительности как способ представления элементов бессознательного и подсознательного содержания в когнитивной деятельности человека находит отражение во фраземике в форме этноконнотатированных мифонимов и скриптонимов. Мифонимы¹ репрезентируют совмещение идентифицирующего и предикатного значения, представляют результат совмещения на основе ассоциации двух разнородных объектов.

Такого рода мифонимы являются некими коннотативно-прагматическими сигналами к поиску скрытой за символическим мифонимом культурно значимой информации. Чаще всего он приводит к воскрешению библейской легенды. При этом логоэпистемными актуализаторами полужабытых фразеомобразующих ассоциативно-образных отношений служат: а) олицетворение, б) родовидовые связи, в) дискурсивные смыслы.

1. Во многих библейских фраземах образность создаётся благодаря символической актуализации в лингвокультурном сознании библейского имени собственного, олицетворяющего собой качество, которое обозначается вторым компонентом фраземы. При этом средством актуализации служит определяющее слово. Так, во фраземе *Фома неверующий* библейский оним *Фома* служит олицетворением скепсиса — того качества, которое выражено вторым, атрибутивным, компонентом сформировался концепт — наивное обыденное понятие о постоянно сомневающемся человеке — когнитивное основание обобщенно-целостного значения фраземы ('скептик').

2. В некоторых фраземах образная панорамность создаётся сочетанием олицетворения с родовидовыми связями фразеомобразующих лексических компонентов. Так, значение фраземы *The Apple of Sodom* возникло в процессе сопряжения двух механизмов переосмысления: синекдохи и олицетворения. *Содом* — согласно библейской легенде город, уничтоженный Богом вместе с Гоморрой за грехи жителей. *Яблоко* — символ красоты, молодости, любви, брака, весны, до грехопадения — атрибут рая [см.: 8]. Кажется бы, 'красота' и 'место грехопадения' — несовместимые смыслы. Однако именно такая несовместимость и стала основой смыслообразования фраземы *The Apple of Sodom* — 'красивый, но гнилой плод'. Коннотативный смысл выражения — 'что-л. сулящее удовольствие, наслаждение, но приносящее лишь горькое разочарование'.

Архетипные структуры в сфере фразеологии следует рассматривать как генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» (К. Г. Юнг). Такого рода первичные образы воплощаются в виде фразеомобразующих символов. Вся метафорическая фраземика пронизана архетипами. Чаще всего это первичные образы природы типа *сердце, лес, тень, поле, море, смерть, дурак* и др. Их можно назвать «психологическими символами» фразем и паремий: *кошки на сердце скребнут, камень с сердца свалился, сердце не на месте, от чистого сердца, запасть в сердце, сердце обросло мхом, доброе сердце, неукротимое сердце; не видеть леса за деревьями, ёлки-палки лес густой, кто в лес, кто по дрова; спорить из-за тени осла, наводить тень на плетень, держаться в тени; И с сытой лошади тень тоща* и др.

Архетипы мифологического мышления, согласимся с К. Леви-Стросом, хотя и привязаны к предметно-чувственным образам, все же нередко оказываются обобщающими, поскольку мифологическое мышление «также действует посредством аналогии и сопоставлений <...>» [9, с. 129]. Образы, лежащие в основании мифа, содержат представления о коллективном символизме, они являются отражением во фраземике постоянно повторяющегося опыта человечества. Семантическая перекодировка мифа в символ, мифологического образа во фразеологический образ обычно связан с определенными ассоциациями, представлениями этноса о реальных или вымышленных объектах действительности [10, с. 55]. Суть такой перекодировки состоит в приращении смысла фразеоморождающей логоэпистемы, в возникновении у фразем интерпретативной по своей сути этноконнотативной семантики, конденсирующей в себе целые дискурсивные события. Столь

¹ Мифонимия — своеобразный сектор ономастического пространства, созданный по аналогии с его реальной составляющей. В него входят имена людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т. д., в действительности никогда не существовавших.

масштабное для креативного речемышления свойств фразем обуславливается категориальным свойством фраземопорождающей логоэпистемы. С одной стороны, она представляет собой «свернутый», редуцированный текст, а с другой, — благодаря своему богатому ассоциативно-образному импликационалу сама способна «разворачиваться» в текст. Получив от фраземопорождающей логоэпистемы стимул, дискурсивное сознание вызывает у автора (при порождении текста) и читателя (при его восприятии) череду ассоциативно-смысловых связей между знаниями, хранящимися в логоэпистеме, и тем коммуникативным событием, которое является предметом нарратива.

Важные для понимания текстопорождающей функции фразем результаты содержатся в исследованиях М. А. Фокиной [11]. Автором были выделены стилеобразующая, жанрообразующая, текстообразующая и концептообразующая функции.

Стилеобразующая функция, по её мнению, носит интегративный характер, поскольку реализуется совокупностью и взаимодействием таких соподчинённых функций, как жанрообразующая, текстообразующая, концептообразующая. Стилеобразующая функция фразем «отражает своеобразие идиостиля писателя, специфику его языковой личности, обладающей характерными способами и приёмами использования образных средств, формирующих картину мира художника слова» [11, с. 26 и др.].

Жанрообразующая функция объединяет хронотопическую, сюжетобразующую и ритмообразующую архитектуру текста. Хронотопическим моделированием фраземы участвуют в создании пространственно-временного ипросмтранства текста, в объёмном изображении художественной картины мира. Сюжетобразующая роль фразем связана с репрезентацией дискурсивного события. При этом фраземы создают запоминающиеся штрихи в художественном портрете персонажей, формируют психологизм художественного нарратива на всех этапах развития сюжета. Ритмообразующая роль фразем реализуется созданием текстовых повторов и рефренов. Фразеологические повторы обеспечивают локальную и глобальную связность текста.

Фраземы, обладающие высоким текстопорождающим потенциалом, определяют коммуникативную перспективу художественного нарратива, создают вертикальный контекст, посредством которого осуществляется смысловое развёртывание повествования. Подобного рода суждения М. А. Фокиной существенно обогатили теорию лингвопоэтики такого рода фраземо-эпистемологической составляющей.

Однако дополнительного исследования, как мне представляется, требует вопрос о выделяемой М. А. Фокиной [11, с. 29] концептообразующая функция фразем, поскольку не фразема порождает концепт, а сами концепты (мы их называем *модусными*) требуют своей косвенной репрезентации. Они же вместе с языковыми символами архетипов создают и концептосферу художественного текста.

Заключение

Языковой символ архетипа имеет двойственную природу. С одной стороны, это образ особой знаковой природы, в своей основе условный; а с другой — знак, мыслимый как образ, в котором видимое, конкретное, событийное выступает лишь неким иероглифом, сигнализирующим о некотором таинственном предмете фразеологической номинации, служащем знаменем иной действительности (Вяч. В. Иванов). Отсюда его лингвокультурологический смысл: улавливание связей между объектами реального и ирреального (воображаемого) мира, рассмотрение их в единстве как воплощение целостности мировоззрения, как стремление «во временном увидеть вечное» [12, с. 249]. Фраземообразующие логоэпистемы по своей сущности ментальные структуры — концепты второго порядка [13, с. 105], порвавшие с первичной референцией. Как раз их мы и называем дискурсивно-модусными концептами. Ср.: *жаворонок* — символ раннего пробуждения, *сова* — символ ночной жизнедеятельности, *жар-птица* — символ недостижимый мечты, *черная роза* — символ печали, *красная роза* — символ любви. Символ представляет концепт, родственной образу (не случайно говорят о символических образах). Дискурсивно-модусный концепт синергетичен. Его синергетика образуется несколькими смысловыми энергопотоками: а) речемыслительным, б) этнокультурным и в) модусным.

Модусный аспект во многом определяет семантику и прагматику образного выражения. Модус выполняет функцию его отнесения к определённому когнитивно-

прагматическому типу. Модус обозначает свойство денотата, присущее ему только в соответствующих дискурсивных состояниях и зависящее от дискурсивного контекста и тех ассоциативно-смысловых связей, в которых находится фразеобразующая логоэпистема. Иными словами, фразеобразующая а — это способ существования, вид и характер коммуникативного события. По типу логоэпистемного модуса фраземы того или иного языка группируются в семантические поля. По *modus vivendi* фраземы используются для обозначения образа жизни людей, условий их взаимопонимания и, наоборот; по *modus procedendi* фраземы наделяются обстоятельственным характером, том числе и обозначающих способ достижения цели. *Modus rectus* и *modus obliquus* связаны с о б р а з н ы м воплощением речемыслительных интенций авторов художественных текстов.

Дискурсивно-модусный **концепт, будучи идееносителем** фразеобразующей логоэпистемы, обладает яркой этноязыковой маркированностью. Он порождает фраземы с живой внутренней формой, семантика которых мотивируется той ассоциативно-смысловой связью, которая устанавливается между предметными и абстрактными объектами создаваемой художественной картины мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 288 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
3. Гуссерль Эдмунд. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. — М.: ИД «Территория будущего», 2005. — 465 с.
4. Берестнев Г. И. Познание – символ – культура / Г. И. Берестнев // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке. Сб. науч. трудов. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. — С. 95 – 106.
5. Сакаева Л. Р. Фразеологизмы с компонентами зоонимами, описывающие человека как объект сопоставительного анализа русского и английского языков / Л.Р. Сакаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия. Общественные и гуманитарные науки. 2008. Вып. 62. — С. 43 – 47.
6. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. Пер. с польского. — М.: Индрик, 2005. — 528 с.
7. Юнг К. Г. Психология Бессознательного / К. Г. Юнг. — М.: Канон, 1994. — 320 с.
8. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. Общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. — М.: Республика, 1996. — 335 с.
9. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. — М.: Прогресс, 1994. — 367 с.
10. Phraseology as a language of culture: Its role in the reproduction of cultural mentality / Telia V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I // Phraseology : Theory, analysis, a application. — Oxford, 1998. — P. 55 – 75.
11. Фокина, М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX вв. / М. А. Фокина. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. — 378 с.
12. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 тт. / А. Белый– М. : Искусство, 1994. — 480 с.
13. Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко — Иркутск, 2001. — 261 с.

PHRASEOLOGICAL LOGOEPISTEMES: ARCHETYPES AND SYMBOLS

N. F. Alefirenko

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

alefirenko@bsu.edu.ru

The article deals with the justification of idea of the linguistic-philosophical postulate as the base of cognitive phraseology. Any objects, subjects, and phenomena are exposed to indirectly derivative verbalization by the adding of particular meaning. Any actuals of verbalized denotative situation become the united generalized-figurative frame by the integration of discursive actualized meanings of archetypical and symbolized derivation in the logoepisteme.

Key words: logoepisteme, archetype, stereotypes, concept, symbol, phraseme.